

НАТАЛІЯ КРАНДІЕВСКАЯ

ОТЪ ЛУКАВАГО

КНИГА СТИХОВЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Г Е Л И К О Н Ъ

МОСКВА / БЕРЛИНЪ

1

9

2

2

Эта книга отпечатана въ сентябрѣ 1922 года
въ типографіи Sinaburg & Co., G. m. b. H.
для книгоиздательства „Геликонъ“.

НАТАЛИЯ КРАНДИЕВСКАЯ

ОТЪ ЛУКАВАГО

КНИГА СТИХОВЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“

МОСКВА / БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

ОТЪ ЛУКАВАГО

... и сладко мнѣ крушенъе въ этомъ морѣ
(изъ Леопарди)

I

Не окрылить крыломъ плеча мнѣ праваго,
Когда на лѣвомъ волочу грѣхи.
О, Господи, — я знаю, отъ лукаваго
И голодь мой, и жажда, и стихи.

Не ангеломъ-хранителемъ хранима я, —
Мечта-кликуша за руку ведетъ,
И купина Твоя неопалимая
Не для меня пылаеть и цвѣтетъ.

Кто говорилъ объ упоеньи вымысла?
Благословлялъ поэзіи дары?
Ахъ, ни одна душа еще не вынесла
Безслѣдно этой дьявольской игры!

Рвануло грудь, и подхватила,
Запѣла гулкая свирѣль.
Я видѣла, какъ уронила
Былыя руки на постель.

Я видѣла, какъ мужъ рыдая
Сжалъ тѣло мертвое мое.
И все качнулось въ свѣтѣ тая.
Такъ вотъ оно — небытіе!

Вздохнуть хотѣла-бы, — нѣтъ дыханія,
Взглянуть хотѣла-бы, — забыла взоръ.
Какъ шумы водъ — земли восклицанія,
Какъ эхо — гонятся вслѣдъ рыданія,
Костяшки словъ, панихиды хоръ,
И вопль, какъ ножъ: — ахъ что-же это!
Вопль безъ отвѣта,
Далеко гдѣ-то.

И вотъ по воздуху, по синему,
Спираль, развернутая въ линію,
Я льюсь, я ширюсь, я звеню
Навстрѣчу гулкому огню.
Меня качаютъ звоны, гуды,
И музыки громовой груды
Встрѣчаютъ радостной грозой
Новорожденный голосъ мой.

Съ сѣвера — болота и лѣса,
Съ юга — степи, съ запада — Карпаты,
Тусклая надъ моремъ полоса —
Балтики зловѣщіе закаты.

А съ востока — дали, дали, дали,
Зори, вѣтеръ, пѣсни, облака,
Золото и сосны на Уралѣ,
И руды желѣзная рѣка.

Ходять въ рѣкахъ рыбы-исполины,
Рыщутъ въ пушахъ злые кабаны,
Стонеть въ полѣ голосъ лебединый,
Дикій голосъ воли и весны.

Зрѣть въ небѣ, зрѣть, словно колось,
Узкая, медовая луна ...
Помнить сердце, помнить! Уколось
Памятью на вѣчны времена.

Видно, не забыть ужъ мнѣ до гроба
Этого хмѣльного питія,
Что испили мы съ тобою оба,
Родина моя!

Парижъ, Декабрь 1920 г.

Надъ жизнью маленькой, нехитрой, незамѣтной
Качала нѣжность лебединое крыло.
Ты стала матерью, женой старозавѣтной...
Изъ теплой горницы сквозь ясное стекло

Слѣдишь испуганно за тучей грозовою,
Ползущей медленно и вѣрно, какъ судьба.
Ты молишь: — Господи, невинны предъ Тобою
Младенецъ мой и мужъ, и я — твоя раба, —

Спаси и сохрани насъ ласковое чудо!..
Но чудо близится въ стенаніяхъ, въ огнѣ,
И гнѣвный Серафимъ спускается оттуда,
Неся два пламени, какъ крылья на спинѣ.

На доми́къ твою́ю убо́гую соло́му
Заже́гъ онъ, пролетѣ́въ, и го́лосъ изъ о́гня,
Подобный́ му́зыкѣ и ме́дленному гро́му,
Воззва́лъ: — иди́те всѣ́ поги́бнуть за Ме́ня!

И встала́ о́гонь и ды́мъ свѣ́чею мно́гоцвѣ́тной
Надъ жи́знью ма́ленькой, нехи́трой, неза́мѣтной.
Прими́ же, Го́споди, и э́тотъ бѣ́дный ды́мъ
Съ вели́кимъ ми́лосерді́емъ Твои́мъ!

Пари́жъ, Я́нварь 1921 г.

Проволочивъ гремучій хвостъ
Не мало версть по курскимъ шпаламъ,
Промчалъ нашъ поѣздъ утромъ алымъ
Черезъ Оку желѣзный мостъ.

И въ полѣ сталь, на полустанкѣ.
Въ купѣ — свѣтло, а у окна —
Стеклянный голосъ коноплянки,
Заря, прохлада и весна ...

Нѣтъ ни души. Съ рѣвки доносить
Туманы ила и песковъ,
Да баба милостыню просить
Съ пучкомъ убогихъ васильковъ,

Но, Боже мой, какимъ отвѣтомъ
И отзвукомъ единый разъ,
На бѣдномъ полустанкѣ этомъ,
Вся молодость моя зажглась!

Ознобъ зари, весны и счастья...
Тамъ, въ полѣ, было суждено
Мнѣ жизни первое причастье,
И не повтòрится оно!

Cambes, 9 Октября 1921 г.

Не голубые голуби
Спускаются на проруби
Второго Іордана, —

Слетаетъ внизъ мятелица,
Колючимъ вихремъ стелется,
Свиваетъ вѣнчикъ льдяный.

И рамена крестителя
Доспѣхами воителя —
Не мѣхомъ — сжаты нынѣ.

Горитъ звѣзда желѣзная
Пятиугольной бездною,
Разверстою пустыней.

Надъ голой кожей зябкою
Лишь воронъ черной тряпкою
Взмахнетъ и отлетаетъ.

Новокрещенъ морозами,
Дрожить младеничкъ розовый,
Дрожить и замерзаетъ.

Проходятъ мимо непріявіе,
Не узнають лица въ крови.
Россія, гдѣ-жъ они, кричавшіе
О милосердіи любви?

Теперь ты въ мукахъ, ты — родильница.
Но кто съ тобой въ твоей тоскѣ?
Одни хоронять, и кадельница
Дымить въ кощунственной рукѣ.

Другіе вспугнуты, какъ вороны,
И стоны слыша на лету,
Спѣшать на всѣ четыре стороны
Твою окаркать наготу.

И кто въ безумьи прекословія
Ножа не заносилъ надъ ней!
Кто принялъ крикъ у изголовія,
И бредъ пророческихъ ночей?

Но пусть. Ты въ мукахъ не одна еще.
Благословенна въ мукахъ плоть!
У изголовья всѣхъ рождающихъ
Единый сторожъ есть — Господь.

И все-жь!.. Приплывъ къ иному бѣрегу,
Какъ молодость забыть, друзья?
Надъ садомъ лунную истерику
И вдохновенье соловья.

Еще не жизнь, — а томный зудъ,
Еще не полное цвѣтеніе,
Когда всѣ нервы въ знойный жгутъ
Скрутило дѣвичье томленіе.

Но пѣснь любви, что наизусть
Всѣ пѣли, — слушаю, какъ новую.
Ахъ, въ свой чередъ, пусть каждый, пусть
Упъется — тысячевѣковой!

Придетъ священникъ — опоетъ,
Придетъ мудрецъ — увѣковѣчить,
Поэтъ родится — воспоетъ
Года пророчествъ и увѣчій.

Но въ скорбной лѣтописи новой
Помянуть-ли единымъ словомъ
Тотъ день, когда пылали розы
Въ татарской деревушкѣ — Кòзы,

И моря синяя гроза
Органомъ свадебнымъ гудѣла,
И я любила, я глядѣла
Въ твои отвѣтные глаза!

Засыпаю рано, какъ дѣти.
Просыпаюсь съ первыми птицами,
И стихи пишу на разсвѣтъ,
И въ тетрадь, между страницами,
Какъ закладку краснаго шелка,
Я кладу виноградный листь.

Разгорается золотомъ шелка
Между ставнями. Бѣлый батистъ
Занавѣски вѣтеръ колышетъ,
Словно утро въ окно мое дышетъ
Благовоньемъ долинъ
И о новой зарѣ лепечетъ.

Встать. Холодной воды кувшинъ
Опрокинуть на сонныя плечи,
Чтобы утра веселый ознобъ
Залилъ свѣтомъ ночныя трещинки.
А потомъ такъ запѣть, — чтобы пѣсни потопъ
Всѣхъ дроздовъ затопилъ въ орѣшникѣ!

Моихъ ночей безсонный жаръ,
Стиховъ веселыя тревоги,
И тѣла солнечный загаръ,
И сердца лунные ожоги, —
Сложило время на вѣсы,
И чаша легкая испарила.
Жизнь встала стражемъ на часы,
И камень рядомъ положила . . .
Пусть такъ. Бороться не хочу.
Живи вторая половина!
По бабѣ вѣрую. Молчу.
Рошу для будущаго сына.

Cambes, Июль 1921 г.

Яблоко, протянутое Евѣ,
Было вкуса — мѣди, соли, желчи,
Запаха — земли и дикихъ плевель,
Цвѣта — бузины и ягодъ волчьихъ.

Ядъ слюною пѣнной и зловонной
Ротъ обжегъ праматери, и новью
Побѣждалъ по жиламъ воспаленнымъ,
И въ обидѣ Божьей названъ — кровью.

Cambes, Июль 1921 г.

День прошелъ, да мало толку!

Потушили въ залѣ елку.

Спать, забытый на верхушкѣ,

Ангель, блѣдный отъ луны.

Золотой орѣшекъ съ елки

Положу я подъ подушку, —

Будутъ радостные сны.

Въ часъ урочный скрипнетъ дверца, —

Это сонъ взойдетъ и ляжетъ

Къ изголовью моему.

— Спи, мой ангель, — тихо скажетъ.

Золотой орѣшекъ-сердце

Положу на грудь ему.

Босоногій мальчикъ смуглый
Топчетъ спѣлый виноградъ.
Сокъ стекаетъ въ жолобъ круглый.
Въ темныхъ бочкахъ бродить ядъ.

Наклонись-ка! Не отрада-ль
Слышать ухомъ жаркій гуль,
Словно лавы виноградарь
Съ кислой пѣной зачерпнулъ!

Надъ сараемъ зной и мухи.
Пусть. Вѣдь сказано давно:
Если дни и ночи сухи —
— Будетъ доброе вино.

Cambes, Vendange — Сентября 23, 1921 г.

Звенѣль рососою юный стихъ мой
И музыкой въ семнадцать лѣтъ.
Неприхотливъ и простъ поэтъ,
Воспламененный первой рифмой.

Но лишь хорен золотые
Взнуздали жизнь, — она мертва!
Окаменѣвъ лежать слова,
Всѣмъ грузомъ плоти налитыя.

И все безсильнѣе закрѣпъ
Надъ зыбью духа непослушной.
О, слово, неподвижный склепъ,
Тебѣ-ль хранить огонь воздушный!

1919 г.

Фаусту прикидывался пуделемъ,
Женщиной къ пустыннику входиль,
Простираль надъ сумасшедшимъ Врубелемъ
Острый уголь демоновыхъ крыль.

Мнѣ-жъ грозишь иными приворотами,
Душу испытujesz красотой,
Сторожишь въ углахъ передъ кіотами
Въ завиткѣ иконы золотой.

Закипаешь всѣми злыми ядами
Въ музыкѣ, въ преданіяхъ, въ стихахъ,
Уязвляешь голосами, взглядами,
Луннымъ шаромъ бродишь въ облакахъ.

А когда наскучить сердцу пѣниться,
Косу расплету ночной порой, —
Ты глядишь изъ зеркала смиренницей —
Мною, нечестивою, самой.

1919 г.

Когда подругою небесной
Зовешь меня влюбленный другъ, —
Какою бурей тѣлесной
Ему отвѣтствуетъ мой духъ.

Какою ревностью горячей
Душа къ землѣ пригвождена!
Не называй меня иначе, —
Я только смертная жена.

Я знаю пыльные дороги,
На милой кожѣ тлѣнь и тѣнь,
И каждый пестрый и убогій,
Закату обреченный день,

И всѣ блаженныя юродства
Неутоляющей любви,
Когда два духа ищутъ сходства
Въ одной судьбѣ, въ одной крови.

Благословимъ свѣтло и просто
Земное, горькое вино,
Пока инымъ въ тиши погоста
Намъ причаститься не дано.

1918 г.

Высокомѣрная молодость,
Я о тебѣ не жалѣю!
Полное пѣны и холода
Сердце беречь для кого?

Близится полдень мой съ грозами,
Весь въ плодоносномъ цвѣтеніи.
Вижу, — съ блаженными розами
Колось и тернь перевить.

Пусть, не одною усладою —
Убылью, горечью тлѣнія,
Смертною тянетъ прохладою
Изъ расцвѣтающихъ нѣдръ, —

Радуйся, къ жертвѣ готовое,
На остріе вознесенное,
Зрѣй и цвѣти, изступленное
Сердце, и падай, какъ плодъ!

1917 г.

Такъ суждено преданьемъ, чтобы
У русской дѣвы первый хмѣль
Одни лелѣяли сугробы,
Румяный холодъ, да мятель.

И мнѣ раскрылись колыбелью
Глухой Олоніи снѣга
Въ краю, гдѣ сумрачною елью
Озеръ синѣютъ берега,

Гдѣ невеселые просторы
Лишь вѣтеръ мѣрить да ямщикъ,
Когда, косясь на волчьи норы,
Проносятъ кони напрямикъ.

Не потому-ль, — всѣмъ розамъ юга
И всѣмъ обычаямъ на зло, —
Въ снѣгахъ, покуда пѣла выюга,
Впервые сердце расцвѣло!

И чѣмъ смиреннѣе и туже
Въ бутонѣ былъ скрученъ строгій цвѣтъ,
Тѣмъ горячѣй румянить стужа
Его негаданный расцвѣтъ!

1917 г.

Памяти Скрябина

Начало жизни было — звукъ.
Спираль во мглѣ гудѣла, пѣла,
Торжественный сужая кругъ,
Пока ядро не затвердѣло.

И стала сердцевиной твердь,
Цвѣтущей, грубой плотью звука.
И стала музыка порукѣй
Того, что мы вернемся въ смерть.

1916 г.

Отчего волнуетъ слово — роза?
И о чемъ его напоминанье?
Повторяю долго слово — роза,
Слышу древнее его благоуханье.
Словно я тебя вдыхала, роза,
Прежде, чѣмъ вдохнула воздухъ міра, —
Грубый воздухъ зноя и мороза, —
Словно цвѣлъ мой духъ тобою, роза,
На поляхъ блаженнаго эфира!

1917 г.

Для каждаго есть въ мірѣ звукъ,
Единственный, неповторенный.
Его въ пути услышишь вдругъ
И, дрогнувъ, ждешь замороженный.

Однимъ звучать колокола
Воспоминаніемъ сладчайшимъ,
Другимъ — звенящая игла
Цикадъ надъ деревенской чашей.

Поющій рогъ, шумящій листь,
Органа гуль, простой и строгій,
Разбойничій, недобрый свистъ
Надъ темной полевой дорогой.

Шаговъ безсонный стукъ въ ночи,
Морей тяжелое дыханье,
И всѣ струи, и всѣ ключи
Пронзаютъ бѣдное сознанье.

А мнѣ одна поеть краса!
То рокоча, то замирая,
Кристалльной фуги голоса
Звенять воспоминаьемъ рая.

О, строгій, солнечный уютъ!
Я слышу въ звукахъ этихъ голыхъ
Четыре ангела поють, —
Два огорченныхъ, два веселыхъ.

1916 г.

Стихи предназначены всѣмъ.
И въ этомъ соблазны и мука
У сердца поэта зачѣмъ
Свидѣтели тайнаго стука?

На исповѣдь ходимъ одни.
Въ церквахъ покрываютъ намъ платомъ
Лицо въ покаянные дни,
Чтобъ братъ не прельстился-бы братомъ.

А эта безстыдная голь
Души, ежедневно распятой!
О, какъ увлекательна боль,
Когда она рифмами сжата!

И каждый примѣрить спѣшить, —
Съ нимъ схожа-ли боль, иль не схожа,
Пока сиротливо дрожить
Души обнаженная кожа.

1917 г.

Въ чистомъ домикѣ печаль,
Я живу, бѣдна грѣхами.
И о томъ, чего не жаль,
Говорю и лгу стихами.

Пусть пѣвучій этотъ щить,
Неправдивый и лукавый,
Дольше сердце защититъ
Отъ лихой, людской расправы!

Если-жъ выдасть боль и дрожь,
Голось, черезчуръ звенящій, —
Пусть ему повѣрятъ, — что-жъ! —
Вѣдь и онъ не настоящій.

1918 г.

Подняла я на солнце ладонь
И гляжу через тонкую кожу.
Пять тѣней омываетъ огонь, —
Кровь на огненный вѣрвь похожа.

Вотъ онъ — жизни тоскующій жарь,
Древній сокъ, не насытившій духа!
Этой юной ладони пожарь
Вспомню-ль я, когда буду старухой?

Огневая моя колыбель,
Кровь моя, холодѣй и не сѣтуй! —
Ужъ давно голубая свирѣль
Ворожить надъ прохладою этой.

1918 г.

Грѣхи — поводыри слѣпыхъ,
А я — недвижимая, но зрячая,
И не туманить кровь горячая
Раздумій медленныхъ моихъ.

Что дѣлать тѣмъ, кто тишь на днѣ
Хранить, какъ влагу первородную,
Для грубой нивы непригодную,
Кого баюкають во снѣ.

Не руки душныя любовника,
А дикая звѣзда Арктуръ,
Чей ротъ для поцѣлуя хмуръ
И горче ягоды терновника!

Прости, что я тебѣ жена,
Что расплескала, нерадивая,
Усладу, не испивъ до дна,
Что жизнь моя, неторопливая,
Просторна слишкомъ для любви ...
Забудь, не мучай, не зови!

БОЛѢЗНЬ

Покрой мнѣ ноги теплымъ пледомъ,
И рядомъ сядь, и руку дай,
И будетъ съ ласковымъ сосѣдомъ
Малиновый мнѣ сладокъ чай.

Пускай жарокъ, едва замѣтный,
Гудитъ свинцомъ въ моей рукѣ, —
Я нѣжности ветхозавѣтной
Прохладу чую на щекѣ.

Все меньше словъ, все меньше силы,
Я вздохомъ говорю съ тобой,
И словно воздухъ льется въ жилы,
Невыразимо голубой!

1919 г.

Пойми меня каждый, самый простой,
Нехитрымъ сердцемъ мое почувствуй!
Не туманъ меня, Господи, ни красотой,
Ни ядомъ, ни пѣной моего искусства.

Дай мнѣ беззащитность дѣтей, травы.
Чтобы каждая малость была занозой,
Чтобы жгли уколы злой тетивы,
Чтобы пѣть мѣшали простыя слезы.

Лукавый голосъ забудьте мой,
Нерадивое сердце мнѣ простите!
Прикоснись ко мнѣ, человекъ живой,
Благословенный мой мучитель!

1918 г.

Мысли умницы,
Благоразумницы,
А тѣло брезгливое,
А сердце несчастливое, —
Вотъ она — судьба неторопливая,
Какъ избавиться?
Взять бы да расправиться
Съ красотой лукавою
Съ тихой павою,
Позабавить себя новою забавою!
Кланялась гулящимъ,
Людымъ пропащимъ: —
Примите измѣнницу,
Развяжите плѣнницу,

Угостите зельемъ и меня смиренницу!
Крикнули: — монашка,
Съ тихими-то тяжко.
Проходи, не спрашивай,
Знай себѣ докашивай
Злую лебеду, —
Съ нами соберешь ее въ аду!

Я не молюсь за здравіе
Себя и близкихъ.
Нѣтъ соблазна лукавѣ,
Въ бархатной книжечкѣ длинные списки.
Ввѣряютъ тебѣ, Господи,
Только избранныхъ, кровныхъ, родныхъ,
Вотъ этихъ, а не чужихъ,
Помилуй ихъ;
Младенца Михаила
Упокой и помилуй,
И еще за здравіе
Алексѣя, Никиты, Наталіи ...
Только имъ благодать Святой Просфоры.
О, какъ скупо дѣлать твои дары!
Не хочу спасенія превыше всѣхъ, —
Я не знаю, гдѣ чужой, и гдѣ мой грѣхъ.
Я стою передъ Тобой безъ лица, безъ имени, —
Со всѣми, Господи, соедини меня!

II

О, беспощадная, унылая угроза
Трехъ этихъ словъ —
Въ послѣдній разъ!
Когда сентябрьская пылаетъ роза
Среди вѣтровъ
Въ послѣдній разъ.

День отгорѣлъ и снялъ свои уборы,
Вздохни о немъ!
Слетаетъ ночь на темные просторы!
Шумить крыломъ
Въ послѣдній разъ!

И цвѣтъ, и звукъ, и въ небѣ струйка дыма,
И вѣтра взмахъ,
Въ окнѣ лицо, которое любимо,
Лицо въ слезахъ —
Въ послѣдній разъ!

И былъ ли день, еще не схороненный
Въ грядущемъ днѣ,
И былъ ли часъ?
И даже ты, мой свѣтъ уединенный,
Ты свѣтишь мнѣ
Въ послѣдній разъ!

Ахъ, все вокругъ живетъ такъ мало, мало,
Спѣшить цвѣсти!
Вотъ было, есть, и вотъ ужъ прошлымъ стало...
Прости, прости,
Въ послѣдній разъ!

Морозъ оледениль дорогу.
Ты мнѣ сказала: — не упади,
И шель, заботливый и строгій,
Держа мой локоть у груди.
Собаки лаяли за рѣчкой,
И надъ деревней стылъ дымокъ,
Растянуть въ синее колечко.
Со мною въ ногу ты не могъ
Попастъ, и мы смѣялись оба.
Остановились, обнялись ...
И буду помнить я до гроба,
Какъ два дыханья поднялись,
Свились, и на морозѣ ровно
Теплѣло облачко двухъ душъ.
И я подумала любовно:
— И тамъ мы вмѣстѣ, милый мужъ!

1918 г.

Надъ дымнымъ храпомъ рысака
Вздымаетъ вѣтеръ облака.

Въ глухую ночь, въ туманы, въ снѣгъ
Уноситъ сани легкій бѣгъ.

Ни шевельнуться, ни вздохнуть, —
Холодный воздухъ рѣжетъ грудь.

Во мракъ дачи и сады,
И запахъ снѣга и воды.

О пожалѣй, остановись,
Уйми коней лихую рысь

Но тверже за спиной рука,
Все громче посвистъ ямщика,

Все безнадежнѣй, все нѣжнѣй
Звенять бубенчики коней, —

И сумасшедшая луна
Въ глазахъ твоихъ отражена.

Выйду за околицу,
Сяду на лужокъ.
Подъ ногою колется
Сжатый колосокъ.

Тучею летучею
Завалило даль.
Солнце ли за тучею,
Мѣсяць ли, звѣзда-ль?

Посижу до вечера,
До самой темноты.
Слышу издалуче я, —
Не идешь ли ты,

Не подашь ли голоса
Запоздалый другъ...
Вѣтеръ треплетъ волосы,
Рветъ платокъ изъ рукъ.

Все мнѣ вспоминаются
Запахи петуній,
Дачный вальсъ печалится,
Въ небѣ — полнолуные.
Сырость клумбы политой,
Гдѣ-то скрипъ калитки,
На груди приколотый
Цвѣтикъ маргаритки.
Счастье, запыленное
Легкой, смертной пылью,
Ты ли, немудреное,
Кажешься мнѣ — былью?

1918 г.

Алексѣй — Человѣкъ Божій,
съ горь вода.

Календарь. 17 Марта.

Алексѣй — съ горь вода!
Стала я на ломкой льдинѣ,
И несеть меня — куда?
Вѣтеръ звонкій, вѣтеръ синій.

Алексѣй — съ горь вода!
Ахъ, не страшно, если таеть
Подъ ногой кусочекъ льда,
Если сердце утопаеть...

Вторая недѣля поста,
А здѣсь ужъ забыли о стужахъ.
Въ деревьяхъ сквозить чернота,
И голубь полощется въ лужахъ.

А въ милой Москвѣ еще снѣгъ,
Звонъ вѣликопòстный и тихій,
И санокъ раскидистый бѣгъ
Въ сугробахъ широкой Плющихи.

Теперь бы пойти на Арбатъ
Дорогою нашей всегдашней!
Надъ городомъ галки кричать,
Кружать надъ кремлевскою башней.

Ты помнишь нашъ путь снѣговой,
Счастливый и грустный немножко,
Вдоль старенькой церкви смѣшной, —
Николы на Куріихъ Ножахъ?

Любовь и раздумье. Снѣжокъ.
И вдругъ, неожиданно, шалость,
И шуба твоя, какъ мѣшокъ...
Запомнилась каждая малость:

Медовый дымокъ табака, —
(Я къ кѣпстану знаю привычку),
И то, какъ застыла рука, —
Лѣнь было надѣть рукавичку...

Затоптанъ другими нашъ слѣдъ,
Счастливая наша дорожка,
Но имени сладостнѣй нѣтъ, —
Никола на Куріихъ Ножахъ!

1919 г.

Шатается по горенкѣ,
Не сыщеть уголка
Сестрица некрещеная,
Безсонная тоска.

Присядеть возлѣ ногъ моихъ,
Колѣни обовьетъ,
Бормочетъ мнѣ знакомый стихъ,
И все поетъ, поетъ.

И руки безпріютныя
Все прячетъ мнѣ на грудь,
Глядитъ глазами смутными,
Раскосыми чуть-чуть ...

ГАДАНЬЕ

Горить свѣча. Ложатся карты.
Смущенныхъ глазъ не подниму.
Прижму, какъ мальчикъ древней Спарты,
Лисицу къ сердцу своему.

Межъ черныхъ пикъ девяткой красной,
Упавшей дерзко съ высоты,
Какъ запоздало, какъ напрасно,
Моей судьбѣ предсказанъ ты!

На краткій мигъ, на мигъ единый,
Скрестили карты два пути.
А путь нашъ длинный, длинный, длинный,
И жизнь торопитъ насъ итти.

Чуть запылавъ, остынуть угли,
И стороной пройдетъ гроза ...
Зачѣмъ же, вѣще, какъ хоругви,
Четыре падаетъ туза?

Cambes, 1921 г., Июль.

У меня была одна вѣдь
Крестница — тоска.
А теперь-то! Видно память
Стала коротка.

Некрещеныхъ и крещеныхъ
Прямо — прудъ пруди!
Справа, слѣва бьютъ поклоны,
Воютъ позади.

А незваныхъ да прибудныхъ
Не унять крестомъ.
Охъ, и тяжело мнѣ и трудно
Съ такимъ хвостомъ!

Такое яблоко въ саду
Смущало бѣдную праматерь.
А я, — какъ мимо я пройду?
Прости обѣихъ насъ, Создатель!

Желтѣй турецкихъ янтарей
Его сторонка тѣневая,
Зато другая — огневая,
Какъ розанъ вятскихъ кустарей.

Сорву. Ужель сильнѣй запретъ
Веселой радости звѣриной?
А если выглянетъ сосѣдь —
Я подѣлюсь съ нимъ половиной.

Самбес, Сентябрь 1921 г.

Уже пушистый хохолокъ
На кукурузахъ зацвѣтаетъ,
Уже утрами залетаетъ
За ставни бодрый холодокъ, —
А розы все еще въ цвѣту,
Какъ чудо радостное юга.
И вечерами на мосту
Цвѣлетъ рыбака подруга.
И медлитъ солнце на холмахъ,
На золотыхъ струяхъ Гаронны,
Покуда осень, какъ монахъ,
Кладетъ смиренные поклоны.

ЦЫГАНСКІЙ РОМАНСЪ

Не даромъ пѣла намъ гитара
О роковой, о нѣжной встрѣчѣ.
Опять сіянемъ и угаромъ
Цыганскій голосъ давить плечи.

Глядѣть на милое лицо
Твое, ахъ, лучше бы не надо.
Другое на рукѣ кольцо,
И новый голосъ плачетъ рядомъ.

Но тотъ же ты, и та же я,
Пускай полъ жизни бури взрыли.
Ахъ, ты да я... Ахъ, ты да я...
Мы ничему не измѣнили.

III

Ложится осени загаръ
На листь еще живой и крѣпкій,
На яблока душистый шаръ,
Нагрузшій тяжело на вѣткѣ.
И на поля, и на края
Осеннихъ рощъ, еще нарядныхъ,
И на кудряхъ твоихъ прохладныхъ,
Любовь моя, краса моя!

О, какъ согласно еще пылаетъ
Твой свѣтъ закатный, мой свѣтъ восходный,
А ночь разлуку намъ возвѣщаетъ
Звѣздой безсонной, звѣздой походной.

Прощай любимый, прощай единый,
Ужъ гаснетъ пламень роскошно-празднѣй,
Въ лицо повѣяль мнѣ вѣтръ пустынный,
И путь намъ разный, и посохъ разный.

Нѣтъ, не грядущее мнѣ дико,
А прошлое небытіе!
Ужель съ младенческаго крика
Возникновеніе мое?

Меня иному память учить.
Пусть жизнь изъ мрака начата,
Порой томить ее и мучить,
Воспоминанія тщета.

И часто по дорогѣ древней
Я духомъ — возвращаюсь вспять,
Чтобъ прослѣдить мой путь кочевный
И нить въ прошедшемъ оборвать.

Но нѣтъ конца ей, вдаль бѣгущей ...
И я, раздумьемъ жизнь дробя,
На мигъ и въ прошломъ, какъ въ грядущемъ,
Теряю въ вѣчности себя!

СЕСТРЪ

Какъ много на лицѣ зажглось
Смѣшныхъ веснушекъ золотистыхъ.
И ландыша фарфоръ душистый
Въ дѣвичьемъ узелкѣ волосъ.

Прикрывъ рукою загорѣлой
Глаза, ты въ поле смотришь, вдаль ...
Морщинкой дѣтскою, несмѣлой
У милыхъ губъ легла печаль.

А тамъ въ поляхъ, уставъ отъ зноя,
Пылить дорогу чей-то конь,
И мимо, мимо ... Солнце злое
Льетъ бѣлый, медленный огонь.

Запомню этотъ деревенскій
Горячій день, весну и даль,
И нѣжныхъ губъ, еще не женскихъ,
Еще безслезную печаль!

Напрасно мертвый, блѣдный ликъ
Насъ пустотой своей тревожить.
Что было хоть единый мигъ,
Не быть ужъ никогда не можетъ!

Мы оживляли блѣдный тлѣнь,
А нынѣ смерть надъ нимъ владычить.
Пускай въ сомнительный свой плѣнь
Несуществующее кличетъ!

Воюй, угрюмый Донъ-Кихоть!
Коси вокругъ живыя тѣни!
Освобожденная взойдетъ
Душа на новыя ступени...

ПРОГУЛКА СЪ СЫНОМЪ

Булонскій лѣсъ осеннимъ утромъ,
Туманъ, прохлада и роса,
И солнце вялымъ перламутромъ
Плывущее на небеса.

Красива ранняя прогулка,
Когда сентябрь зажегъ костры.
Шаги въ аллеяхъ слышны гулко,
И камни гравія остры.

Мнѣ миль осенній холодъ зрѣлый.
Иду я съ мальчикомъ моимъ
По этимъ свѣтлымъ опустѣлымъ
Дорогамъ, влажно-золотымъ.

Лелѣя творческую скуку,
Мнѣ хорошо безъ словъ брести
И друга маленькую руку
Въ своей, увѣренной, нести.

Сижу на травѣ у погоста.
Какъ холмики эти смиренію учать!
Когда-бы любить тебя просто,
Когда-бы любить и не мучить!

Напрасно учу свое сердце спартанству —
Неистово сердце, но хрупко.
Чуть вспомню, — опять постоянству
И слабостямъ старымъ уступка.

Бѣжать-бы за стѣны, въ прохладныя кельи,
Черницею тивой укрыться!
Но сердце полно еще зелья,
И въ немощи сладкой томится, двоится.

Сыплеть звѣзды августъ холодѣющій,
Небеса студены, ночи — сини.
Лунный пламень, млѣющій, негрѣющій,
Проплываетъ облакомъ въ пустынь.

О, моя любовь незавершенная,
Въ сердцѣ холодѣющая нѣжность!
Для кого душа моя зажженная
Падаетъ звѣздою въ безнадежность?

НА ПЛЯЖЪ

Что мнѣ милѣй тебя, мой мальчикъ тоненькій,
Милѣ рукъ твоихъ въ смѣшныхъ царапинкахъ!
На пляжѣ радостномъ совсѣмъ ты голенькій,
Несешь мнѣ ракушку въ красивыхъ крапинкахъ.

Обоимъ намъ съ тобой находка нравится,
Обоимъ намъ съ тобой свѣтло и весело.
Барашки по морю бѣгутъ, курчавятся,
Надъ нами тѣнь свою кабинка свѣсила.

На грудь раскрытую ко мнѣ ты валишься
Тепломъ разнѣженный, свѣтло-усталенькій,
И засыпаешь вдругъ, и забываешь все,
Такой безпомощный, комочекъ маленькій!

Подумала я о родномъ человѣкѣ,
Цѣлуя его утомленныя руки:
И ты вѣдь ихъ сложишь навѣки, навѣки,
И намъ не осилить послѣдней разлуки.

Какъ смертныхъ сближаетъ земная усталость,
Какъ всѣхъ насъ равняетъ одна неизбѣжность!
Мнѣ душу расширила новая жалость,
И новая близость, и новая нѣжность.

И дико мнѣ было припомнить, что гложетъ
Любовь нашу горечь, напрасныя муки.
О, будемъ любить, пока смерть не уложитъ
На сердцѣ ненужномъ ненужныя руки!

Знаю, вижу только два пути.
Кто-жъ я, хищница или подвижница?
Мнѣ ли кладъ разбойничью нести,
Въ отреченьи-ль сердце мое движется?

Я познала радость пустоты,
Приняла сокровищницу Іова, —
Но томятъ, томятъ порой мечты,
Память груза брэннаго, но милаго.

Не напрасно-ль, нищая, въ пути
Всѣ услады проходила мимо я,
Если сердце тяжело нести,
Сердце мнѣ свое ненасытимое?

Надѣть бы шапку-невидимку
И черезъ жизнь пройти бы такъ!
Не тронуть люди нелюдимку,
Вѣдь ей никто ни другъ, ни врагъ.

Ведеть раздумье и раздолье
Ее въ скитаньяхъ далеко.
Неуязвимо сердце болью,
Глаза раскрыты широко.

И есть-ли что мудре, люди, —
Такъ молча, пронести въ тиши,
На приговоръ послѣднихъ судьей
Неисказенный ликъ души!

Истома дней опаловыхъ,
Юля тишина.
Вся въ ягодахъ коралловыхъ
Поникла бузина.

За садомъ рѣчка лѣвится
Катить свое стекло,
Лишь парится, лишь пѣвится
И сонно и свѣтло.

Плыветь отъ липъ разморенныхъ
Тяжелый, сладкій духъ,
А у оконъ растворенныхъ
Не счесть звенящихъ мухъ.

Ахъ, только и мечтается —
Подъ липой въ уголкѣ
Весь день, качаясь, маяться
Въ скрипучемъ гамакѣ.

Сердцу каждому внятень
Смертный зовъ въ октябрѣ,
Безъ просвѣта, безъ пятень
Небо въ бѣлой корѣ.

Стынетъ зябкое поле,
И ни вѣтеръ, ни дождь
Не спугнуть уже болѣ
Воронья голыхъ рошѣ.

Но не страшно, не больно ...
Цѣлый день средь дорогъ
Трубить долго и вольно
Холодѣющій рогъ!

Какъ высказать себя въ любви?
Не довѣрай зовущимъ взглядамъ.
Знакомымъ сердце не зови
Съ тобою бьющееся рядомъ.

Среди людей, въ мельканьи дней,
Спроси себя, кого ты знаешь?
Ахъ, въ мертвый хороводъ тѣней
Живыя руки ты вплетаешь!

И кто мнѣ скажетъ, что ищу
У милыхъ глазъ въ лазури темной?
Овѣяна ихъ тишью дремной,
О чемъ томительно грущу?

Хочу ли тайной жизни рѣку
Въ колодцы свѣтлые замкнуть?
О, если-бъ вѣдать трудный путь
Отъ человѣка къ человѣку.

О, вѣтеръ, вѣтеръ! Трубачъ бездомный!
Съ порога жизни твой зовъ я слышу,
Не ты-ль баюкалъ трубою томной
Уютъ мой дѣтскій подъ зимней крышей?

Не ты-ль такъ буйно трубилъ побѣду,
Мятельный облакъ за мною мчащій,
Когда подслушалъ въ саняхъ бесѣду,
Подслушалъ голосъ, меня молящій?

И темной ночью не ты ли пѣлъ намъ,
Отъ ласкъ усталымъ, счастливымъ людямъ,
О счастья нашемъ безперемѣнномъ,
О томъ, что вмѣстѣ всегда мы будемъ?

Теперь не ты-ли въ пути мнѣ трубишь
Звѣнящей мѣдью, походнымъ рогомъ?
Все чаще, чаще встрѣчаться любишь
Со мной, бездомной, по всѣмъ дорогамъ.

О, вѣрный сторожъ! Ты не забудешь,
Мои скитанья со мной кончая,
Я знаю, — долго трубить ты будешь,
Глухою ночью мой крестъ качая.

Полынь, трава степной дороги,
Твой горькій стебель, горьче слезъ.
Церковный запахъ, нѣжный, строгій,
Такъ далеко меня унесъ.

Дышу тобой, и вотъ пьяна я,
Стою у пыльнаго куста ...
О, горечь русская, степная,
И тишина, и широта!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	Стр.
Не окрылить крыломъ плеча мнѣ праваго	9
Рвануло грудь, и подхватила	10
Съ сѣвера — болота и лѣса	12
Надъ жизнью маленькой, нехитрой, незамѣтной . . .	14
Проволочивъ гремучій хвостъ	16
Не голубые голуби	18
Проходятъ мимо непріязніе	20
И все-жь!.. Приплывъ къ иному берегу	22
Придетъ священникъ — отпоеть	23
Засыпаю рано, какъ дѣти	24
Моихъ ночей безсонный жаръ	25
Яблоко, протянутое Евѣ	26

День прошелъ, да мало толку	27
Босоногій мальчикъ смуглый	28
Звенѣлъ росою юный стихъ мой	29
Фаусту прикидывался пуделемъ	30
Когда подругою небесной	31
Высокомѣрная молодость	33
Такъ суждено преданьемъ, чтобы	34
Начало жизни было — звукъ	36
Отчего волнуеть слово роза	37
Для каждаго есть въ мѣрѣ звукъ	38
Стихи предназначены всѣмъ	40
Въ чистомъ домикѣ печаль	41
Подняла я на солнце ладонь	42
Грѣхи — поводыри слѣпыхъ	43
Болезнь	44
Пойми меня каждый, самый простой	45
Мысли умницы	46
Я не молюсь за здравіе	48

II

О, беспощадная, унылая угроза	51
Морозъ оледенилъ дорогу	53

Надъ дымнымъ храпомъ рысака	54
Выйду за околицу	56
Все мнѣ вспоминаются	57
Алексѣй — съ горь вода	58
Вторая недѣля поста	59
Шатается по горенкѣ	61
Гаданье	62
Мнѣ воли не давай. Какъ дикую козу	64
У меня была одна вѣдь	65
Такое яблоко въ саду	66
Уже пушистый хохолокъ	67
Цыганскій романсъ	68

III

Ложится осени загарь	71
О, какъ согласно еще пылаеть	72
Нѣтъ, не грядущее мнѣ дико	73
Сестрѣ	74
Напрасно мертвый, блѣдный ликъ	75
Прогулка съ сыномъ	76
Сажу на травѣ у погоста	77
Сыплеть звѣзды августъ холодвющій	78

На пляжъ	79
Подумала я о родномъ чловѣкѣ	80
Знаю, вижу только два пути	81
Надѣть бы шапку-невидимку	82
Истома дней опаловыхъ	83
Сердцу каждому внятень	84
Какъ высказать себя въ любви	85
О, вѣтеръ, вѣтеръ! Трубачъ бездомный	86
Полынь, трава степной дороги	88
Оглавленіе	91

